

Философские науки

УДК 1/14

В.Б. ХРАМОВ

Храмов Валерий Борисович, доктор философских наук, профессор кафедры философии и политологии Краснодарского государственного института культуры (г. Краснодар, ул. им. 40-летия Победы, 33), otdelnauka@gmail.com

**И.В. КИРЕЕВСКИЙ: «СЕРДЦЕ» КАК СРЕДОТОЧИЕ
ВНУТРЕННЕГО МИРА ЧЕЛОВЕКА**

Аннотация: в статье в контексте анализа содержания понятия «сердце» прослеживается эволюция мировоззрения И.В. Киреевского.

Ключевые слова: философское мировоззрение И.В. Киреевского, «внутренний мир», «сердце», идея цельности.

V.B. KHRAMOV

Hramov Valerij Borisovich, doctor of philosophical Sciences, Professor, Department of philosophy and political science of the Krasnodar state Institute of culture (Krasnodar, 40 years of the Victory St., 33), otdelnauka@gmail.com

**I.V. KIREEVSKIJ: «HEART» AS THE CONCENTRATION
OF THE HUMAN INNER WORLD**

Abstract: the article in the context of the analysis of the notion of «heart» traces the evolution of the worldview of I.V. Kireevskij.

Keywords: Outlook I.V. Kireevskij, «inner peace», «heart», the idea of wholeness.

Один из зачинателей оригинальной русской философии Иван Васильевич Киреевский (1806–1856) был разносторонне даровитой личностью: способность к рациональному мышлению сочеталась в натуре его с другой, противоположной и, казалось бы, «несовместимой» с названной способностью, – с эстетической, точнее, поэтической. Люди с подобным сочетанием дарований встречаются чрезвычайно редко, и жизненные устремления их связаны – в той или иной степени – с идеей цельности. Точнее, они стремятся к цельности, гармонизации различных сторон внутренней жизни – к гармонизации духовной и душевной жизни, к гармонизации разума и чувства, что с необходимостью также ведет к поиску некоей согласованности внутреннего и внешнего бытия личности, ибо эстетическое чувство требует телесного воплощения душевно-духовного содержания жизни внутренней.

Ему повезло – он воспитывался в высококультурной среде, получил блестящее образование в европейском духе. Он был современником Пушкина, его учителями были Жуковский, Шеллинг, Гегель. Впрочем, только первый мог быть назван его учителем в прямом смысле этого слова, ибо книги Шеллинга и Гегеля он изучал самостоятельно, критически, а когда произошла личная встреча, молодой русский мыслитель говорил с ними уже, что называется, – «на равных».

На основе европейского образования И.В. Киреевский уже в молодости, по мнению многих, достиг искомой цельности и решил главную жизненную задачу свою, ибо выше той культуры, которая образовала душу его, как казалось ему тогда (и не только ему), культуры не было, и основные смысло-жизненные проблемы западной философией уже решены. И подготовился он уже вместе со всей русской культурой вступить в «плодоносный период творчества» в духе традиций европейского

просвещения. Но, этого не произошло – в какой-то момент «что-то пошло не так». Ибо, когда прошел ученический период восторгов и подражания, поэтически чуткая душа И.В. Киреевского услышала диссонанс, дисгармонию в западном просвещении. Будучи воспитанным в традициях западной культуры, Киреевский почувствовал эту дисгармонию в своей душе и нашел подтверждение сначала в книгах, а позже – во время путешествия по Европе, был еще и непосредственный эстетический контакт, подтверждающий его предположение. Наблюдения за жизненными реалиями западного мира, где идеалы его культуры воплотились чувственно, эстетически в том числе, еще раз убедили русского философа в кризисном состоянии западного просвещения. И он понял, сформулировал даже свой тезис о том, что кризис западной культуры связан с невозможностью на ее основе удовлетворительно решить главный для личности вопрос о смысле жизни. Свой внутренний душевно-духовный кризис Киреевский преодолел, приобщившись к православной культуре, изучив труды отцов православной церкви, еще раз обдумав православную историю Руси-России. Того же он желал западному миру: освоить православное просвещение и преодолеть свой внутренний разлад, что должно было, по мысли философа, поспособствовать восстановлению **цельности** христианского мира, **цельности** общечеловеческого просвещения. Таковым видится основной сюжет жизни мыслителя, таковой – основная идея его творчества.

Но вернемся к главной теме. Понятие «сердце» в значении некоего средоточения внутреннего духовно-душевного мира И.В. Киреевский использовал на протяжении всего творческого пути. А путь этот был весьма необычен для философа – нетрадиционен. Ибо, в отличие от большинства великих мыслителей, которые по общему правилу после непродолжительного ученического периода выдвигают ряд оригинальных идей, разрабатывая их на протяжении всей последующей жизни, т.е. разрабатывают одну философскую концепцию, Киреевский трижды существенно менял мировоззрение, трижды передумывал одни и те же

вопросы, создав три оригинальные концепции развития истории и культуры. Его первая концепция была близка философии романтиков, вторая – русским западникам, а третья – «окончательная» – славянофилам. Точнее, создав третью концепцию, Киреевский стал одним из основателей этого оригинального направления в истории культуры России [1].

Итак, концепции сменяли друг друга, но понятие сердца как некоего средоточия душевной жизни оставалось в них, адаптировалось, обогащалось, приобретая новые содержательные смыслы. И это вряд ли можно назвать случайным, поскольку содержание данного понятия выкристаллизовалось и утвердилось в европейской культуре ко времени начала творческой деятельности русского философа. Оно занимает одно из центральных мест в мистике, религии, поэзии, философии, точнее – в философской антропологии. Так, уже у Гомера написано, что Одиссей принимал решение в «милом сердце». Из Библии мы узнаем, что «Господь испытует все сердца и знает все движения мысли». Благодаря христианству понятие сердца вошло не только в философию, но и в обыденный лексикон.

И даже мыслители XVIII века, века Просвещения, века господства антихристианского мировоззрения, концептуально используют его. Правда, в отличие от христианской антропологии, полагающей, что сердце есть «место встречи конкретной личности с Богом», философы-просветители в духе эстетического гуманизма трактовали его как средоточие нравственных чувств, как место соединения их с чувствами эстетическими. На этой основе была создана теория эстетического гуманизма. Это учение было разработано великим поэтом Ф. Шиллером. В «Письмах об эстетическом воспитании» немецкий поэт-драматург-философ развивает идею, согласно которой эстетическое и нравственное начала поддерживают друг друга, т.к. эстетическая деятельность по своему существу бескорыстна, равно как и деятельность нравственная. Концепция увлекла в России многих. Н.М. Карамзин этому поспособствовал. Даже Н.В. Гоголь в начале творческого пути попал под ее обаяние. Правда, потом, уже после триумфального успеха

«Ревизора», он разочаровался в ней. Поскольку сценический успех был, и царь поддержал, а общество «отозвалось»; но жизнь не менялась, оставалась прежней (впрочем, так Гоголю казалось – из Италии смотрел).

Нельзя не отметить, что романтики, ярко заявившие о себе к двадцатым годам девятнадцатого столетия, т.е. ко времени, когда И.В. Киреевский начинает творческую деятельность, восстанавливают и развивают на современной философской основе то первоначальное содержание понятия сердца как сокровенного, религиозного центра личности, которое было сформулировано в христианской философии. Наследуя традиции романтиков, Киреевский стремился, как уже отмечалось выше, к цельности, видя в ней идеал жизни и творчества. Сердцу в этом деле принадлежит особая роль, ведь в сердце происходит некое средоточие души, в нем обнаруживает себя источник миропонимания и жизнепонимания, мысли и чувства. Именно в сердце, согласно Киреевскому, происходит творческая работа по гармонизации духовной жизни, именно в нем – в сердце – находит личность то серьезное жизненное содержание, которое только и способно обогатить культуру.

Для лучшего уяснения вопроса разберем несколько фрагментов из работ И.В. Киреевского, принадлежащих разным периодам его творчества, точнее, разным его концепциям. Начнем с фрагмента, имеющего собственно эстетический смысл.

В первой же значительной работе «Нечто о характере поэзии Пушкина», написанной в 1928 году, философ, анализируя творчество Байрона, отмечает, что английский романтик создает новый стиль в поэзии, т.е. новую форму поэтической красоты. Стиль его поэм пусть и отличается от классического, но не противоречит вечному закону красоты, полагающему гармонию частей в составе целого, полагающую сложную гармоническую цельность в качестве главнейшего свойства красоты, определяющей ее характеристики. Классицисты, как полагает И.В. Киреевский, строго следили за формальной целостностью произведения искусства. Байрон, разрушая

классическую форму поэмы, казалось бы, отвергает цельность, т.к. его произведения – суть некая сумма выразительных кусочков, некая «пестрота поэтических высказываний». Но чуткая к поэзии душа, продолжает русский мыслитель, способна уловить в байроновских поэмах красоту целого. Где же его источник? Отвечая на этот вопрос, он пишет: «Видимый беспорядок изложения есть неотъемлемая принадлежности байроновского рода; но этот беспорядок есть только мнимый, и пестрое представление предметов отражается в душе стройным переходом ощущений. Чтобы понять такого рода гармонию, надобно прислушиваться к внутренней музыке чувствований, рождающейся от описываемых предметов, между тем как сами предметы служат здесь только орудиями, клавишами, ударяющими в струны **сердца**» [2]. Из контекста цитаты ясно, что «сердце» понимается Киреевским как орган, вмещающий чувства, как орган, отзывчивый чувствами на предмет и, одновременно, орган, где происходит творческая деятельность по созданию красоты. Источник этой деятельности пока не определен – точнее, нет ясности с источником. Но данная идея будет развита Киреевским в дальнейшем – в антропологической концепции, венчающей славянофильский период его творчества.

Столь же оригинально, как и в эстетике, И.В. Киреевский трактует понятие сердца в учении о культуре (просвещении), разработанном в первый период творчества. Так, в очерке «Обозрение русской словесности 1829 года» он по существующей в то время традиции общечеловеческое просвещение уподобляет крови, а центр просвещения, дающий импульс развитию последнего, вполне последовательно обозначает понятием сердца. Русский мыслитель полагает, что один из европейских народов в какой-то исторический момент «волею судеб», точнее, подчиняясь закону истории, становится в центр общечеловеческого просвещения и в этом смысле занимает господствующее положение в культуре. Он пишет: «Вся история новейшего просвещения представляет необходимость такого господства: всегда одно государство было, так сказать, столицей других, было сердцем,

из которого выходит и куда возвращается вся кровь, все жизненные силы просвещенных народов» [3]. Но сердце – это не просто средоточие просвещения. Из сердца народа проистекает новое содержание, ведущее к обновлению общечеловеческого просвещения, способствующее культурному прогрессу. И в этом смысле он говорит, что просвещение развивается, переходя, как факел, от одного народа к другому.

Приведенные выше цитаты взяты из творчества «молодого» Киреевского. В дальнейшем, уже став славянофилом, он высказывал иные мысли о судьбах европейского просвещения. Но всегда, когда ему было необходимо как-то осмыслить проблему целостности, выявить источник значимого, смысложизненного содержания, он, вспоминая прежний теоретический опыт, использует понятие сердца, хотя во главу угла ставит другое понятие, о чем будет сказано ниже.

Из контекста немногочисленных философских фрагментов, принадлежащих последнему периоду творчества И.В. Киреевского, ясно, что содержание понятия сердца связано с глубиной души, но не является той неиспорченной грехом ее частью, которую пытается обнаружить христианская философская антропология, ибо в сердце есть всякое – испорченное и неиспорченное, как и в душе в целом. В этой связи, размышляя о возможности нравственного ренессанса души русского народа, отыскивая внутреннюю основу для этого процесса, он пишет: «На этой части его сердца, уцелевшей от заразы, утверждается возможность ее (т.е. души – В.Х.) будущего возрождения» [4].

Сердце для него по-прежнему остается неким вместилищем чувств, которые он уподобляет струнам. Но для того, чтобы струны сердца смысложизненно и творчески отзывались на мир, необходима его настройка, необходим некий творческий элемент, который заставит его значимо звучать – и для личности и для культуры. Вопрос о его существовании с необходимостью вытекал из контекста вышеприведенных цитат, но там нет ответа. Его русский мыслитель находит лишь в последний период

творчества. И этот ответ – вера. В одном из философских фрагментов мы читаем: «...для всякого возможно и необходимо связать направление своей жизни со своим коренным убеждением веры, согласить с ним главное занятие и каждое особое дело, чтоб всякое действие было выражением одного стремления, каждая мысль искала одного основания, каждый шаг вел к одной цели. Без того жизнь человека не будет иметь никакого смысла, ум его будет счетною машиной, **сердце – собранием бездушных струн, в которых свищет случайный ветер** (выделено нами – В.Х.); никакое действие не будет иметь нравственного характера, и человека, собственно, не будет. Ибо человек – это его вера» [4, с. 194.]. «Вера – продолжает Киреевский – взор сердца к Богу» [4, с. 199]. «Веровать – это получать из сердца то свидетельство, которое сам Бог дал своему Сыну» [4, с. 199].

Но вера в концепции И.В. Киреевского, суть понятие, обладающее весьма емким содержанием. «Вера, – говорит философ, – не доверенность к чужому уверению, но действительное событие внутренней жизни, чрез которое человек входит в существенное общение с Божественными вещами (с высшим миром, с небом, с Божеством)» [4, с. 197.]. В этой своей характеристике вера по своей сути то, что Н.О. Лосский обозначает в качестве «мистической интуиции», т.е. – непосредственного созерцания Божества. И в этой связи Киреевский пишет: «Сознание об отношении живой Божественной личности к личности человеческой служит основанием для веры, или, правильнее, вера есть то самое созерцание, более или менее ясное, более или менее **непосредственное**» (выделено нами – В.Х.) [4, с. 192].

В другой своей существенной характеристике вера есть обнаружение первозданной не искривленной грехом цельной личности. Вера, продолжает И.В. Киреевский, «...не составляет чисто человеческого знания, не составляет особого понятия в уме или сердце, не вмещается в одной какой-либо познавательной способности, не относится к одному логическому разуму, или сердечному чувству, или внушению совести, но обнимает всю цельность человека и является только в минуты этой цельности и

соразмерно ее полноте. Поэтому главный характер верующего мышления заключается в стремлении собрать все отдельные части души в одно живое единство, отыскать то внутреннее средоточение бытия, где разум, и воля и чувство, и совесть и прекрасное, и истинное, и удивительное, и желанное, и справедливое, и милосердное, и весь объем ума сливаются в одно живое единство и таким образом восстанавливается существенная личность человека в ее первоизданной **целостности**» (выделено нами – В.Х.) [4, с. 192].

Таким образом, идеал цельности, к которому И.В. Киреевский стремился всю жизнь, получает в последних его работах свое адекватное философскому мировоззрению теоретическое обоснование.

Список использованной литературы

1. *Храмов В.Б.* Философия истории и культуры П.Я. Чаадаева и «старших» славянофилов. Краснодар, 2002. С. 40–118.
2. *Киреевский И.В.* Нечто о характере поэзии Пушкина // Киреевский И.В. Критика и эстетика. М., 1979. С. 49.
3. *Киреевский И.В., П.В. Киреевский.* Полное собрание сочинений: в 4 т. Калуга, 2006. Т. 2. С. 49.
4. *Киреевский И.В., П.В. Киреевский.* Полное собрание сочинений: в 4 т. Калуга, 2006. Т. 1. С. 185.